

Крепить дружбу!

Трибуна Второго всесоюзного съезда советских писателей, благодаря участию в работе съезда зарубежных гостей, стала полной трибуной обмена опытом прогрессивных литераторов самых разных стран мира. Необходимость такого обмена творческим опытом давно назрела и глубоко ощущается каждым писателем, сознавшим свою ответственность перед читателями своей страны и за ее русскими.

Произведения прогрессивных литераторов в наши дни быстро становятся достоянием читателей самых разных стран. Книги — это оружие в борьбе за мир, и народы передают его друг другу, стремясь утвердить свое право на свободу, счастье, глубокое познание своих друзей, сорвать коварные планы своих врагов, грозящих уничтожить свою жизнь на земле.

Интерес к произведениям прогрессивных литераторов возрастает во всех странах с каждым годом. Недавно вышел новый номер болгарской газеты «Литературный фронт». В рубрике «Новые книги» читаем: Ольев Гончар «Знаменосцы»; Стерли Сласе «Они не были одиночками», перевод с албанского; Ежи Путрамент «Сентябрь», перевод с польского; Вилли Бредель «Испытание», перевод с немецкого; Габор Года «Среди волков», перевод с венгерского.

Подобного рода примеры могли бы быть упомянуты, и все они говорят об одном: прогрессивная литература имеет сегодня мирового читателя, она стала силой, связующей и духовно вооружающей народы, ее задачи велики и ответственные.

Об этой ответственности говорил Н. Тихонов в своем докладе, показавшем, как богата современная прогрессивная литература. Об этой ответственности говорили участники съезда, подчеркнув необходимость укрепления дружеских связей и обмена опытом между писателями.

О плодотворности такого обмена свидетельствует в первую очередь сам съезд. В докладе Н. Тихонова, в выступлениях Джека Линкса, Жоржа Амаду, Арагона и других участников был поставлен и освещен такой важнейший для развития мировой прогрессивной литературы вопрос, как вопрос о применении передовыми писателями капиталистических стран в своем творчестве метода социалистического реализма. Особенно важно, что метод социалистического реализма рассматривался на съезде как наилучшая возможность творческого развития и обогащения передовых традиций каждой национальной культуры.

Изучению этого вопроса на съезде было чужд всякий дух абстрактности, схоластики и догматизма. С всей убедительностью было показано, что метод социалистического реализма открывает перед писателями неограниченный простор для развития их творческой индивидуальности, для обогащения национальной культуры. И от этого наилучше свидетельствуют сами произведения Арагона, Жоржа Амаду, Джека Линкса — романы «Коммунисты», «Попытка свободы», «Весна, которую предала».

Естественно, что на съезде не могли быть изучены все вопросы, связанные с проблемой метода социалистического реализма в прогрессивных литературах капиталистических стран, но сделано очень многое для плодотворной и творческой разработки этих проблем в ближайшем будущем как советскими, так и зарубежными литераторами.

Работа съезда была проникнута живейшей работой о судьбах мировой литературы, глубоким уважением ко всем честным писателям, к различным и своеобразным творческим манерам. В выступлениях участников съезда и на страницах прессы подчеркивалось, как вредно и опасно сужение самого понятия прогрессивной литературы, приводящее к тому, что передко литературные произведения, которые по своей сущности служат прогрессивным идеалам человечества, незаслуженно обходятся молчанием, не популяризируются путем перевода на другие языки. Это приводит к обединению общего представления о мировой прогрессивной литературе, мешает обмену опытом между писателями, различными по своим творческим манерам, наставителями перед собой единую цель — служить делу мира и борьбы за свободу народов.

Большое внимание было уделено на съезде литературе в странах народной демократии.

Н. Тихонов сказал в своем докладе: «Литература стран народной демократии имеет много достоинств. Прогрессивные писатели, старые и молодые

Награждение В. Н. Билья-Белоцерковского орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в области художественной литературы в связи с семидесятилетием со дня рождения Президиума Верховного Совета СССР наградил писателя Владимира Наумовича Билья-Белоцерковского орденом Трудового Красного Знамени.

Награждение В. В. Ермилова орденом Трудового Красного Знамени

Указом Президиума Верховного Совета СССР в связи с пятидесятилетием со дня рождения Владимира Ермилова награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Фестиваль фильмов Германской Демократической Республики

24 января в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Риге, Таллине и Вильнюсе открылся второй фестиваль фильмов Германской Демократической Республики.

Советские зрители хорошо знают работы мастеров немецкого киноискусства. Они по достоинству оценили такие произведения, как «Коричневая птица», «Совет ботов», «История одной семьи», — фильмы, которые раскрыли гибельные последствия фашизма, разоблачили черную кухню позижгательской войны, показывали, как простые немцы поднимаются на борьбу за единую и демократическую Германию.

Сейчас наши зрители познакомятся с новым крупным достижением кинематографии демократической Германии — фильмом «Эрик Тельман — сын своего класса», посвященным вождю немецкого пролетариата. Фильм этот, поставленный режиссером Куртом Метцигом по сценарии Вилли Бределя и Михаила Чесно-Хельса, получил на восьмом международном кинофестивале в Карловых Варах международную «Премию мира».

В программу фестиваля входят также художественный фильм «Опасный груз»,

и с каждым днем все глубже воспринимают изменения, которые вносят жизнь во все области народного труда, все ярче изображают действительность, все яснее понимают ошибки, которые были совершены невольно или вольно иными из них».

Достижения, которыми богата литература стран народной демократии, — результат преодоления немалых трудностей. В своих творческих поисках писатели этих стран опираются на лучшие достижения классической национальной литературы и опыта советских литераторов, создателей литературы первого в мире социалистического государства. Поэтому писатели стран народной демократии с особым интересом следили и за предсъездовской дискуссией и за работой самого съезда и ее результатами.

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

Китайская писательница Дин Линь высказала справедливое пожелание, чтобы советские писатели «не только систематически знакомились с произведениями китайской литературы, но и заботились о ее росте, используя наше общее оружие критики, были бы внимательными к ней, что еще больше укрепит нашу дружбу».

Глубокое изучение литературного процесса в странах народной демократии, помощь в разрешении сложных теоретических вопросов, взаимоуважительность в критике — вот основные положения, исходя из которых следует и подводить итоги сделанному и продумывать дальнейшую работу, направленную на укрепление дружеских связей советских писателей с писателями стран народной демократии. Необходимо помочь в этом, чтобы вновь засияли яркие звезды, были бы взаимоуважительные оружия критики, были бы внимательными к ней, что еще больше укрепит нашу дружбу».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства, содержания и форм».

«Мы хотели бы», — подчеркивали в своих отчетах на анкете «Литературной газеты» польские литераторы Ярослав Иванович, Леон Кручковский и Генрик Маркевич, — чтобы уроки съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: сужение философских и моральных горизонтов, обход трудных и ост

ДЕПУТАТ В РАЙОНЕ

Год тому назад произошло слияние двух городских районов Сталинграда — Баррикадного и Краснооктябрьского. Состоялись выборы, и образовалась одна районная комиссия, которой называли Краснооктябрьский совет, Совет сформировал рабочий аппарат.

Не без волнения приступил к работе председатель исполкома вновь избранного района Виктор Васильевич Коротков. С работой он был знаком, но очень уж круто изменились условия. Район громадный, аппарат же меньше прежнего. А вскоре было предложено еще ликвидировать районный горизонт.

— Переигрываем, — с горечью говорил Виктор Васильевич. — Теряем связь с торговлей. Кто же будет готовить материал для решения? Коротков отправился «добывать» материал на торговле сам.

К вечеру он возвратился в свой кабинет, веселый, шумный, полный воодушевления. Он принес не спрятку, не бумагу о состояниях торговли. Он в упор видел ее, торговлю, это живое, кипучее, огромное дело, которое волнует, радует, огорчает, всякий интересует тысячи людей — всех поголовно интересует. Он говорил с директорами, заместителями, завбазами, кружился среди покупателей, звонил в городские и областные организации, заходил на склады, на базы. И был он отнюдь не в роли инспектора, а именно в роли председателя райисполкома.

Подводя итоги дня, он удивлялся: как могло быть, чтогоды он не делал того, что обязан был делать? Кто мешал ему? Выходило, что мешал ему... райгортдел.

Выбрав ленок по свободной, Коротков повторил речь.

Во многих торговых предприятиях и дальних поселковых «точках» говорили:

— Нам недавно звонил Иван Алексеевич, обещал помочь.

Мы обращались к Ивану Алексеевичу...

— А нас только что обследовали товарищи из Иванова Алексеевича.

Беседу вел доктор Светашов.

Иван Алексеевич Светашов — электромеханик маркетингового цеха, отличный производственный депутат райсовета, работающий уже третий год. При распределении обязанностей ему поручили руководить постоянной комиссией торговли и общественного питания. Комиссии подобрали в шестнадцать человек. Вскоре она стала активом.

Раз в месяц, по четвергам, в вечерние часы комиссия депутатов собиралась в райцентре, вызывала многих торговых людей, что-то ремонтируя, — и ремонтируя, слушала окончательно, стараясь не загружать исполнком и его аппарат. На заседаниях исполнкома Светашов приходил обычно краткой информацией или с готовым проектом решения, ясным, коротким. На сессиях выступал с полным знанием дела.

Комиссия стала постоянно действующим боевым отрядом депутатов, с которым обращаются сотни домохозяек, лавочных комиссий, работники промзаказа; депутаты рассыпают жалобы и предложения, множество мелких и крупных дел доводят они до конца без вмешательства исполнкома.

И если по итогам минувшего года новый, «свободный», Краснооктябрьский район делает больше, интереснее, живое дело. Но не все депутаты района Совета однажды активны, не все имеют навыки, «обучены» общественной работе. Мы, аппаратчики, могли бы оказать помощь этим людям. Да некогда. Хорошо, что сократили аппарат, давно пора. Еще один шаг — сократить из сорока единиц тридцать шесть паромов по тридцати шести формам напрасно, никому они не нужны, кроме канцелярских подшивальных.

Активные депутаты Светашов, Журбина, Юсупова, Голубев, Столякин и другие делают больше, интереснее, живое дело. Но не все депутаты района Совета однажды активны, не все имеют навыки, «обучены» общественной работе. Мы, аппаратчики, могли бы оказать помощь этим людям. Да некогда. Хорошо, что сократили аппарат, давно пора. Еще один шаг — сократить из сорока единиц тридцать шесть паромов по тридцати шести формам напрасно, никому они не нужны, кроме канцелярских подшивальных.

Активные депутаты Светашов, Журбина, Юсупова, Голубев, Столякин и другие делают больше, интереснее, живое дело. Но не все депутаты района Совета однажды активны, не все имеют навыки, «обучены» общественной работе. Мы, аппаратчики, могли бы оказать помощь этим людям. Да некогда. Хорошо, что сократили аппарат, давно пора. Еще один шаг — сократить из сорока единиц тридцать шесть паромов по тридцати шести формам напрасно, никому они не нужны, кроме канцелярских подшивальных.

Есть в Краснооктябрьском районе и другие активно действующие комиссии. Одну из них, комиссию народного образования, возглавляет депутат Минира Гаджиева, директор школы № 2.

В районе 13 тысяч учащихся, 1665 взрослых учатся в вечерних школах. В две смены работают три техникума, днем учатся юноши, вечером взрослые рабочие. Так на называемых микробустах района за всем этим наблюдают живые, активные люди, привлеченные в работу депутата-

Иван ЕГОРОВ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

СТАЛИНГРАД

В селе Мачехи Полтавской области в прошлом году открылась музыкальная школа для детей колхозников и сельской интеллигенции. На снимке: преподаватель класса народных инструментов П. Кущ занимается с дочерью бригадира колхоза имени Хрущева Олей Чернявской. Фото П. Кекало

Новые стихи

Владимир СУКОВСКИЙ Под музейным стеклом

Булат Дамаска, гордость мусульман, на узиной чеканки.
На мутной стали — темные щербины...
Что ж не сверкаешь
за стеклом витрины,
Зазубренный турецкий ятаган?
Твой путь окончен.
Жаркий блеск исчез
С тобою рядом, на сунне зеленом,
Лежит в углу, поблескивая сонно,
Французской сабли —
погнутый эфес.
Его хозяин, так же как и твой,
Любил грабеж и рокот барабанов.
И был закопан
в камнях Инкермана
Сто лет назад под барабанный бой!
А там, вглядись,
в углу, и сер и туп —

Ирина СНЕГОВА

В с а м о л е т

И снова небо, небо снова!
Чем ближе к солнцу, тем свежей.
Рыбок — и нет дымка лесного.
И тучи ниже нас уже.
Они, как белые медведи.
Сердце встали на дыбы.
Мы по седьмому небу едем,
Нам синь вселенной студит лбы.
Подъем звенящий, весящий,
Окно в ледяной пыли.
И только сердце блеет чаще,
Оторванное от земли.

К. АЛТАЙСКИЙ

Издревле, когда еще чтилась рогатина,
Богатствами славилась наша земля,
В слоями хребтов — изумруды
да платина.
В реках — осетры, а в лесах —
соболя.
Ну где — укажите! — найдете вы
за морем
Овый былинами Кремль золотой,
Вокзали метро в малахите да мраморе,
Василий Блаженного купол витой?

И. ЕГОРОВ

собственный корреспондент
«Литературной газеты»

СТАЛИНГРАД

Нам приходилось не раз видеть, как литературная критика с однаковым пафосом и усердием, с применением одних и тех же мерил, так же резко и неуклюже судила о произведениях совершенно разной художественной ценности. Это смешение масштабов — одно из самых больших зол в нашей критике. Часто литераторы поднимают шум вокруг совершенно заурядных явлений текущей беллетристики. И на обсуждениях в СССР СССР эти сценарии жаром ломались копья и по поводу такой серой, заурядной книги, как «Труд» А. Авдеенко, и такого художественно беспомощного произведения, как «Волга-матушка река» Ф. Панферова, и по поводу такого фундаментального, значительного явления русской советской прозы, как «Русский лес» Л. Леонова. Подобных примеров «одномастабности» в критике настолько много, сколько угодно.

Если литературная критика — та же кри-
тика и самокритика в области худож-
ственной литературы, то естественно пред-
полагать, что ее может заниматься каж-
дый читатель с не меньшим успехом, чем
литератор-критик. Мы видели тысячи
литературных писем о литературных яв-
лениях, и письма эти часто ничем не су-
щественны, не отличаются от профессиональ-
ных статей и рецензий, ежедневно публикуемых в печати. Те же наблюдения, те же рассуждения, те же оценки, и пафос
у них одинаковый. Разница между ними —
количественная. Однако, если литератор-
критика в своих наиболее распространенных, газетно-журнальных, формах су-
щественно не отличается от критики чита-
тельской, то тем самым она становится несостоинственной беллетристикой.

Есть и другая сторона вопроса.

Если литературная критика — та же кри-
тика и самокритика в области худож-
ственной литературы, то естественно пред-
полагать, что ее может заниматься каж-
дый читатель с не меньшим успехом, чем
литератор-критик. Мы видели тысячи
литературных писем о литературных яв-
лениях, и письма эти часто ничем не су-
щественны, не отличаются от профессиональ-
ных статей и рецензий, ежедневно публикуемых в печати. Те же наблюдения, те же рассуждения, те же оценки, и пафос
у них одинаковый. Разница между ними —
количественная. Однако, если литератор-
критика в своих наиболее распространенных, газетно-журнальных, формах су-
щественно не отличается от критики чита-
тельской, то тем самым она становится несостоинственной беллетристикой.

А сколько она делает всевозможных скеп-
тических мотивов: то автор «бывалый
человек», то начинающий (*«молодой, хотя
именно это делает ее значительной*),
литературой; да, она обязана отмечать, что успешно выразила свое недовольство ею, спрavedливо полагая, что взгляды крити-
ки на литературу могут и должны быть
шире, глубже, и обоснованней.

На десятках примеров легко показать, как действительно узок круг требований критики и как они стереотипны: «это не-
художественное», «нет конфликта», «кон-
фликты нежизненны», «образы бледны, схематичны», «образы не индивидуализированы», «замысел хороший, воплощение плохой», «нет действий», «характеры не-
драматичны», «произведение декларативно», «герои слишком прямолинейны», «герои слишком «серьги» и т. д. и т. п.

Еще один существенный недостаток из-
вестной критической практики: сдача заканчи-
вающейся печатанием то или другое произве-
дение, еще оно и не дошло до читателя, в
результате уже спасает «отклинувшись».

Может быть, так и надо, но плохо

то, что первым появившимся статья-
запись заинтересует критику, производя-
щую молниеносно выставляться «ми-
нусом» или «плюсом», и нередко оно так
и не доходит глубокого рассмотрения.

За подобной оперативностью нередко про-
глаживает желание поскорее отмахнуть-
ся от автора и его произведения. Ка-
залось бы, после оперативных и нередко
поверхностных откликов критика должна
продолжить углубленное изучение нового
материалла, но этого не происходит. Интер-
ес у газет и журналов к «отраслевизирован-
ной» книге быстро угасает, и, по существу,
не оказывается места для решающего и
песенного слова критики, уже успевшей
остаться от первых впечатлений и набрать-
ся новых значительных избиений.

А ведь есть не мало авторов и произве-
дений, которых критика вовсе не касает-
ся, скажем, и не было. Задача критики —

регистрация и комментарий! Если статья о

литературе идет в газету, то, конечно же, в

литературе, и критике есть место для ее ре-
цензии, и она должна открыть для читателя

новые горизонты, а не ограничиться

одними же словами, что и в первоначальном

изложении.

2. Что есть творчество критики?

Или, может быть, музы изначала

обзывают критика, и он всего-навсего лишь

тень творца, и его удел — регистрация и

комментарий? Если статья на такую

точку зрения, мы легко придадим смыслу

и подчеркнем его общность, и вместе с тем

нечто, что отнюдь не является общим.

Нет, конечно же, и у критика есть область

творчества — это критика как художествен-
ное творчество.

Но это не значит, что критик не может

заниматься критикой в области критики

и самокритики, и вместе с тем не может

заниматься критикой в области критики

и самокритики, и вместе с тем не может

заниматься критикой в области критики

и самокритики, и вместе с тем не может

заниматься критикой в области критики

и самокритики, и вместе с тем не может

заниматься критикой в области критики

и самокритики, и вместе с тем не может

заниматься критикой в области критики

и самокритики, и вместе с тем не может

заниматься критикой в области критики

и самокритики, и вместе с тем не может

заниматься критикой в области критики

и самокритики, и вместе с тем не может

заниматься критикой в области критики

и самокритики, и вместе с тем не может

заниматься критикой в области критики

и самокритики, и вместе с тем не может

заниматься критикой в области критики

и самокритики, и вместе с тем не может

заниматься критикой в области критики

и самокритики, и вместе с тем не может

заниматься критикой в области критики

и самокритики, и вместе с тем не может

заниматься критикой в области критики

и самокритики, и вместе с тем не может

заниматься критикой в области критики

и самокритики, и вместе с тем не может

заниматься критикой в области критики

и самокритики, и вместе с тем не может

ВОСПИТАНИЕ ГЕРОЯ

Ю. СУРОВЦЕВ

Новый роман талантливого эстонского писателя Ганса Леберхекта назван коротко — «Капитаны». Судя по названию и подчленяющим каким-то традиционной «литературной» инерции, ждешь, что перед тобой сейчас возникнет особый «морской» мир — мир увлекательных приключений и романтических героев.

Но в романе Г. Леберхекта не случается ничего необыкновенного, герой и события вполне пристойны, «бумажинны». Действие происходит на суще, в небольшом промышленном городе новой Эстонии Суур-Сонда. Вместо свежего морского ветра и ярких красок океанских заливов — мирные сплохи сланиевых пейзажей, всенародно привыкший пресноватый запах газа, тучи сланиевой сажи, окраинавшей весь город, даже суур-сондеских борьбах, в однотонный пепельный цвет.

И, однако, многозначительное название романа выбрано не случайно.

— Обыкновенное в нашей жизни воле не противопоставлено германскому. В каждом деле, в каждой профессии есть своя позиция, свою романтику. Ищите ее, — как бы говорят читателю, особенно молодому читателю, Г. Леберхект.

В начале романа герой Г. Леберхекта — двадцатилетний Андрес Даане, сын рыбака, мечтает о морских бурах и капитанской мести. В конце романа он приходит к убеждению, что рабочий и инженеры города, «те самые, кто смело и широко выграбили из недр золотой сланец, несокончаемые эшелонами гнали его в газовые печи и круглые сутки, день и ночь, нагнетали горючий газ «миллионы очагов Ленинграда, Таллина, Суур-Сонда», — заняты важным и по-настоящему интересным делом, не менее важным и интересным, чем капитан на мостице корабля.

Уже в первых главах вырисовывается характер Андреса, привлекательный и чистый. Андрес честен, смел, по-юношески порывист и уловит, иногда до безрассуждения упрям, по-эстонски немногословен.

Андрес «предстал» на экзаменах в морское училище. И, не покоясь дома, — он чертовски упрям и самолюбив, — юноша уезжает на завод, в Суур-Сонду. Постепенно он увлекается своей новой работой и даже вносит дельное рационализаторское предложение. Серьезное, принципиальное стояние произошло у него с земляком, бригадиром штурвальщиков — летуном и врачом Рихардом Лутсом. «Параллельно» Андрес влюбляется в docher' старого рабочего — Линду Вага, его очень старается влюбить в себя дочка главного инженера Реет Метсланга. От многообразных своих успехов Андрес немного зазнается, но потом находит себе силы вернуться к товарищам. И во всех этих разнообразных, несколько сумбурных, радостных и огорчительных событиях и конфликтах, общем-то, не особенно масштабных, — Андрес ведет себя с привлекающей простотой и естественностью. В таком Андресе веришь, за него волнуешься.

Леберхект в первой половине романа не торопит действие, не убывает развитие героя. Незаметно, как бы исподволь, крепнут нити, связывающие Андреса с заводом. Все большее значение в его душе приобретают дела завода, новые привязанности, новые друзья по цеху. И одновременно белый парус продолжает тревожить воображение Андреса, огромный завод он долго еще сравнивает с османским пароходом, работу штурвальщика у него — с профессией кочегара, а круизная, вспыхнувшая фигура главного инженера Метсланга представляется ему похожей не иначе, как на капитанскую. Андрес все еще стремится в училище, в Таллин, и кажется, будто чистая «сюжетная» случайность поддерживает его в Суур-Сонде.

Но это не случайность. К середине романа читатель уверен, что действие проходит и окончится в Суур-Сонде. Читатель, — Ганс Леберхект, «Капитаны». Роман. Журнал «Знамя», № 11, 12, 1954.

Толкование художественности часто сводится у нас к первому с языка поэзии на языке обычной деловой прозы или к изолированному рассмотрению отдельных элементов формы. И то и другое одинаково бесполезно для критики, ибо ее первейшая задача — не дробить художественную силу произведения, а по возможности поместить ее воссоздать, раскрыть изобразительные и выразительные богатства в сложном взаимодействии. Критик, анализируя, все время синтезирует, стремится создать целостный образ произведения, — вот в чем особенность его работы.

Чем богаче литература, тем больше она выявляет художественные возможности общегородского языка. Известно, как широко раскрылись изобразительные и выразительные богатства русского языка после могучего взлета русского художественного слова в XIX столетии. Критик должен знать, например, как обогащалась русский язык из Пушкина до Маяковского, кто какой вклад внес в культуру стиха, иолжны ли мы отказываться от чисто «технических» достижений того или другого поэта только потому, что он чужд нам по духу направления, по сумме язва своего творчества, или потому, что пройденный им путь был сложный и извилистый. Неужто в таких случаях вместе с отжившими именами мы принуждены похоронить и то, что не принадлежит, что стало уже достоянием поэтического языка.

Выход из всего сказанного напрашивается сам собой: нужны наблюдения на всем художественном опыте, и из него ничего значительного не может быть произвольно выброшено. Художественному опыту литературы, своеобразию каждого писателя критика обязаны удалить гораздо более глубокое внимание, чем это она делает сейчас. Многие авторы книг о советских писателях лгут по избитому пути, когда о художественном своеобразии, стиле языка писателя призывают говорить бело и обзывают под занавес. Путь этот — неблагодарный: он ведет к попыткам отдельных элементов мастерства вне связи с общим, проходит разборка, а не сборка писателей. Критик, анализируя, все время

может заниматься — скажем об этом приzzo — литературной критикой, это довольно редкий дар. Постоянное и углубленное чтение не должно превращать человека в книжника, критик — не критик, если он лишен чувства социальной активности, неумной страсти к волнениям жизни, жгучего интереса к злободневности. Критик — критик, и он тоже должен быть «красноречивым проповедником, художником, соблазнителем», он тоже должен быть искусным покорителем читателя. И критикам нам нужно многообразие, без этого вообще нет литературы. У нас же очень много статей и книг создается по принципу «крупинчатого строительства», и немудрено, что «жизнеспособность» этих конструкций только отшугивает читателя. На

Книга Б. Брайниной «Константин Федин» — одна из лучших наших литературно-критических работ. Но и на ней отзываются некоторые беды нашей критики.

Бледны, бесплодны в романе так называемые второстепенные персонажи. Лишне своеобразного портрета, жеста, детали, без своего места в сюжете, они растворились в том сиянии, которое во второй половине романа вдруг начинает источать вокруг себя Андрес. Линда Вага, ее отец — старый Карел Вага, партнер завода Ранна, Виллу Сори и другие — все они становятся «живыми» в среду рабочих, чтобы уйти, не совершив ничего нового на заводе.

И писатель находит героя новые дела. После многих небольших столкновений в романе начинает развертываться еще одно — более крупное, более острое, будильничанное. Андрес втягивается в борьбу между Метслангом и молодым инженером Концелием, втягивается, взвешивает решительную сторону Концелия, а не Метсланга, так ему вначале нравившегося и так много следившего за ним.

Метсланг сконструировал те самые сланиевые печи, вокруг которых вырос город Суур-Сонда. Печи работают не особенно производительно, но это отнюдь не значит, что они отслужили свой век, тем более, что Метсланг все время улучшает их конструкцию.

Г. Леберхект повторил ошибку многих приемущественно внимания писателя к главному герою: увлекается с бесцветностью, бесхарактерностью большинства героев. Ошибка существенная. Ведь, хотя писатель нарочно старается, где только можно, подчеркнуть «грозу колосита», — коллекция в романе нет: на фоне скучных и неинтересных «второстепенных» героеv Андрес выглядит бородой-однечкой.

В остром, кульминационном конфликте отчуждения выявилась другая слабость романа — психологическая, интеллектуальная бедность, неизменность образов. Герой много (слишком даже много) говорит и спорят, так или иначе действуют, поступают, но скучно и как-то маловдохновенно волнуются, страдают, смеются, словом, очень мало передвигаются и уж почти совсем не размывают, хотя ситуация этого требует. Это относится и к Андресу второй половины романа. Андрес, разочаровавшийся в «капитане» Метсланге, — да ведь это, можно сказать, первая жизненная драма юноши, может быть, первое, и всегда такое тяжелое, столкновение с чем-то враждебным, неизвестным, чуждым. Андрес искренне не понимает, как могут быть у нас люди плохие, склонные к злым, нечестивым, нечестивым. В этой чистоте — истощенность. Не сразу, а постепенно, через преодоление трудностей, через глубокую и постоянную внутреннюю работу, закалается стать настоящего характера. Видимо, борение чувств, сомнения и поиски выхода, и трудность этих поисков, и радость находки этого выхода — все это было и у Андреса. Но автор все это «спрятал». Из главы 32 можно узнать, что «когда-то в глубинах души он (Андрес) и сам подозревал все эти месяцы, что не так-то благополучно обстоит дело с его... славой». В главе 33 сообщается, что «Концель рассказал Андресу о сущности своего изобретения, и она уяснилась, захватила Андреса. Он стал лихорадочно искать, как счастье для себя выйти из созданного им положения». Но сам лихорадочный и мучительный процесс поисков остался «за сценой», на виду — только результат: в главе 36 Андрес уже критикует Метсланга.

Могут возразить, что манера углубленной психологизации не свойственна Г. Леберхекту. Но неглубокое раскрытие характеров героя — явление отрицательное для писателя любой творческой манеры. К тому же Г. Леберхект умеет воссоздавать сложные внутренние процессы, о чем свидетельствуют некоторые страницы «Капитанов».

Мы говорили подробно о главном, наименее любимом герое автора. Но, кажется, Г. Леберхект «любит» всех своих героев. Ведь, например, поэтому писатель столь быстро, скороговоркой приводит драматическое повествование к счастливому, «круглому» концу. После научно-технической конференции движение романа, борьба характеров кончается. Андрес окончательно остается на заводе, Линда, наконец, по достоинству оценивает Андреса, а Метсланг — этот упрямый, расчетливый, самолюбивый Метсланг — даже летит в Москву отставать копиевскую идею. А мы-то думали, что настоящая борьба только начинается!

Без любви родителей к детям не может быть и речи о воспитании. Но изящные восторженные любви тоже вредны: она может испортить самого хорошего ребенка. Так и в искусстве.

Правдиво ли это? Мы верим, что именно такие, как Андрес, молодые хозяева завода поднялись в первую очередь на защиту Концелия. Андрес должен был, по логике своего характера, резко и неожиданно подняться к Метслангу, как только увидел неправоту и нечестность главного инженера. Мы не сомневаемся в потенциальных возможностях Андреса. Но все дело в том, что писатель, по нашему мнению, недостаточно подготовил героя к той ответственной роли, которую Андрес начинает играть на заводе. Андрес слишком мало знает жизни, совсем еще слабо разбирается в людях и, наконец, недостаточно связан с коллективом завода, чтобы в таком огромном, без преувеличения, государственном масштабе стать во главе борьбы за новое. А остальные, «техники, инженеры, мастера, хозяйственники Суур-Сонда»? Во всем романе они делают примерно то же, что на технической конференции после выступления Андреса: «встали в рост и до боли отбивали себе ладони».

Правдиво ли это? Мы верим, что именно такие, как Андрес, молодые хозяева завода поднялись в первую очередь на защиту Концелия. Андрес должен был, по логике своего характера, резко и неожиданно подняться к Метслангу, как только увидел неправоту и нечестность главного инженера. Мы не сомневаемся в потенциальных возможностях Андреса. Но все дело в том, что писатель, по нашему мнению, недостаточно подготовил героя к той ответственной роли, которую Андрес начинает играть на заводе. Андрес слишком мало знает жизни, совсем еще слабо разбирается в людях и, наконец, недостаточно связан с коллективом завода, чтобы в таком огромном, без преувеличения, государственном масштабе стать во главе борьбы за новое. А остальные, «техники, инженеры, мастера, хозяйственники Суур-Сонда»? Во всем романе они делают примерно то же, что на технической конференции после выступления Андреса: «встали в рост и до боли отбивали себе ладони».

Без любви родителей к детям не может быть и речи о воспитании. Но изящные восторженные любви тоже вредны: она может испортить самого хорошего ребенка. Так и в искусстве.

Если Б. Брайнина хорошо показывает своеобразие К. Федина как художника в раскрытии образов, то другие стороны мастерства писателя в последних главах она освещает одновременно и дробно и чрезсурочно. Автор сообщает, что «поиски художественного, тинического выражения по-ложительных характеров неразрывно связаны у писателя с поисками наилучших средств для сатирического обличения...»; и что «роман «Необыкновенное лето» построен так, что все в нем закономерно, — и то самое, что было в романе национального писателя русской литературы, и то, что в нем заложено».

Мы говорили подробно о главном, наименее любимом герое автора. Но, кажется, Г. Леберхект «любит» всех своих героев. Ведь, например, поэтому писатель столь быстро, скороговоркой приводит драматическое повествование к счастливому, «круглому» концу. После научно-технической конференции движение романа, борьба характеров кончается. Андрес окончательно остается на заводе, Линда, наконец, по достоинству оценивает Андреса, а Метсланг — этот упрямый, расчетливый, самолюбивый Метсланг — даже летит в Москву отставать копиевскую идею. А мы-то думали, что настоящая борьба только начинается!

Хочется верить, что эти поэты вновь обретут счастливое единство с жизнью, что их неудачи — временные, лишь затянувшиеся кризис.

Именно наша малая требовательность, обдненное представление о критике породили то, что мы часто видим: или односторонние социологические работы; или мечтательную опику и регламентацию искусства; или раздробленные эмпирические суждения филологов о каких-то частностях художественного процесса; или субъективные импрессионистические опусы литераторов; или какие-то подобия замковых выставок на полях прочитанных книг.

У читателя может создаться впечатление, что наша критика — пустынное, безлюдное поле, где одиноко свищет ветер. Нет ничего превратнее такого представления. У нашей литературной критики замечательные кудря, и эти кудря не используются в яркой, дохладильной форме, когда герой водит сила убеждения, горячая страсть борца.

Именно наша малая требовательность, обдненное представление о критике породило то, что мы часто видим: или односторонние социологические работы; или мечтательную опику и регламентацию искусства; или раздробленные эмпирические суждения филологов о каких-то частностях художественного процесса; или субъективные импрессионистические опусы литераторов; или какие-то подобия замковых выставок на полях прочитанных книг.

3. Никаких «Америк» мы, конечно, не открыли, нам хотелось лишь напомнить, насколько сложно и синтетично творчество литературного критика. Ему надо быть принципиальными и убежденными, чтобы знать, например, как обогащалась русский язык из Пушкина до Маяковского, кто какой вклад внес в культуру стиха, иолжны ли мы отказываться от чисто «технических» достижений того или другого поэта только потому, что он чужд нам по духу направления, по сумме язва своего творчества, или потому, что пройденный им путь был сложный и извилистый. Неужто в таких случаях вместе с отжившими именами мы принуждены похоронить и то, что не принадлежит, что стало уже достоянием поэтического языка.

Выход из всего сказанного напрашивается сам собой: нужны наблюдения на всем художественном опыте, и из него ничего значительного не может быть произвольно выброшено. Художественному опыту литературы, своеобразию каждого писателя критика обязаны удалить гораздо более глубокое внимание, чем это она делает сейчас.

Многие авторы книг о советских писателях лгут по избитому пути, когда о художественном своеобразии, стиле языка писателя призывают говорить бело и обзывают под занавес. Путь этот — неблагодарный: он ведет к попыткам отдельных элементов мастерства вне связи с общим, проходит разборка, а не сборка писателей. Критик, анализируя, все время

бледны, бесплодны в романе так называемые второстепенные персонажи. Лишне своеобразного портрета, жеста, детали, без своего места в сюжете, они растворились в том сиянии, которое во второй половине романа вдруг начинает источать вокруг себя Андрес. Линда Вага, ее отец — старый Карел Вага, партнер завода Ранна, Виллу Сори и другие — все они становятся «живыми» в среду рабочих, чтобы уйти, не совершив ничего нового на заводе.

Существует закономерность: новые поэты не появляются в литературе подлинно. Представление о любом поэте связывается у нас с определенным поэтическим поколением.

Вспомним, как почти одновременно появились имена М. Луконина, А. Межирова, С. Гудзенко, А. Недогонова, С. Нарочатова, В. Урина, М. Льява, М. Дудина и других. Это были еще совсем молодые люди. Но они уже прошли войну и знали, почем фунт листа, во всяком случае, были уверены в том, что они пишут что-то лучше, чем то, что пишут другие.

Выстраданность того, о чем они писали, была так велика, что порой стихи у некоторых были на грани надрывности, обивки эти застучали были надувными.

Стихи Луконина «Коже Отрада», Межирова «Даджский лед», Дудина «Соловьи», Гуженко «Балалая о дружбе», Львова «Чтоб стать мужиной — мали им родиться» были еще совсем молодые люди. Но они уже прошли войну и знали, почем фунт листа, что они пишут что-то лучше, чем то, что пишут другие.

В стихах Винокурова и Ваншенкина были отмечены именно этим стремлением в лирику, что и выделяло конкретных поэтов.

Но эти поэты, которые пришли из общего поэтического потока. Правда, когда читаешь книгу Винокурова, например, вспоминаешь имена М. Луконина, А. Межирова, С. Гудзенко, А. Недогонова, С. Нарочатова, В. Урина, М. Льява, М. Дудина и других.

Вспомнишь имена С. Григорьева, А. Межирова, С. Гудзенко, А. Недогонова, С. Нарочатова, В. Урина, М. Льява, М. Дудина и других.

Вспомнишь имена С. Григорьева, А. Межирова, С. Гудзенко, А. Недогонова, С. Нарочатова, В. Урина, М. Льява, М. Дудина и других.

Вспомнишь имена С. Григорьева, А. Межирова, С. Гудзенко, А. Недогонова, С. Нарочатова, В. Урина, М. Льява, М. Дудина и других.

ЛЮДИ НЕ БУДУТ ПАССИВНЫ И НЕ ПОЗВОЛЯТ, ЧТОБЫ ИХ ВВЕРГЛИ В БЕДСТВИЯ АТОМНОЙ ВОИНЫ

Борьба за мир, против атомной войны ведется в Японии в самых разнообразных формах. Ведется она и средствами искусства. В этой области большую активность проявляет массовая самодеятельная организация «Поющие голоса Японии», объединяющая десятки тысяч представителей различных слоев населения. В эту организацию входят около 30.000 участников из всех организаций. Праздники песни — это 30.000 участников слета, прибывающие в столицу из самых отдаленных уголков Японии, с огромным подъемом исполняли песни, зовущие и борьбе за мир, против войны.

На концерте, организованном у японского газеты «Нью-Йорк таймс» по японским газетам «Нью-Йорк таймс» по японским газетам «Нью-Йорк таймс» одна из участниц организации «Поющие голоса Японии».

Не допустим!

Песня

В городе нашем родном
Кости братьев покрыты сожжеными
землями,
И печально цветы расцвели над золой
В городе нашем родном.

Не допустим взрыва бомбы,
Третьего взрыва атомной бомбы
На нашей земле родной.

В море родном — черный гибельный дождь.
Миновали нас морем счастливые дни.
В море нет рыбаков — не выходят они:
В море родном черный гибельный дождь.

Не допустим взрыва бомбы,
Третьего взрыва атомной бомбы
В море нашем родном.

В небе родном стоят туч над землей.
Смертоносные стоя зловещих туч
От людей заслоняют солнечный луч.
В небе родном стоят туч над землей.

Не допустим взрыва бомбы,
Третьего взрыва атомной бомбы
На нашем шаре земном.

Исиззи АСАДА
Перевод с японского
Л. ЛИХОДЕЕВА

Отказаться от использования атомных бомб!

Редактору «Нью-Йорк таймс»

Теперь, когда мы знакомы с фактами о водородной бомбе, нам должно стать ясно, что доктрина «массового возмездия» — это самая отвратительная внешняя политика, какая когда-либо всерьез предлагали приводить от имени американского народа...

Давайте заявим, что мы никогда больше не приведем в уничтожение наше населения целиком города...

Давайте сформулируем в�нешнюю политику, основанную не на силе. Давайте выкуем оружие мира. Давайте заявим о нашем существии и любви ко всем народам, живущим на земле. Давайте положим конец политике страха и возмездия, которая может привести только к катастрофе.

Джон Г. МОРРИС, США,
Армия, штат Нью-Йорк
(газета «Нью-Йорк таймс»)

Согласиться с принципом существования

Редактору «Нью-Йорк таймс»

Испытания водородной бомбы сделали то, чего до сих пор не способна была сделать никакая разыскательная работа. Они, как громом, поразили всех нас и дали нам возможность осознать, какая сила самоуничтожения находится теперь в наших руках. Но будут ли извлечены моральные уроки, которые сами собой очевидны? В некоторых кругах эти уроки изъяли, но наше правительство, если судить по его официальным заявлениям, этого пока еще не следило.

Эти моральные уроки должны начаться с вывода, что война стала просто немыслима...

Задумаем ли мы, наступившим ли мы возможности существования? Есть ли хоть какие-нибудь признаки того, что правительство США готово склонять сопоставление сознательной целью своей политики?

Элан СИМПСОН, США,
доцент кафедры истории
Чикагского университета
(газета «Нью-Йорк таймс»)

Я скоро буду матерью

Редактору «Детройт фри пресс»

Наступило время, когда мыслящие американцы не могут больше молчать перед лицом потенциальной угрозы национального самоубийства, символизируемой последними испытаниями водородной бомбы...

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К-4-04-62, разделы литературы и искусства — К-4-02-29. Факс — К-4-03-48, международной жизни — К-4-03-48, науки — Б-3-27-54, отдел информации — К-4-08-69, писем — Б-1-15-23, издательство — К-4-11-68. Коммутатор — К-5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Битва народов за мир вступила в ответственную фазу. Враги мира не ограничиваются воспользованием атомной и водородной бомбы. Свою гнусную пропаганду «неизбежности» атомной войны они сочетают деловитой подготовкой к масштабному уничтожению людей с помощью ядерного оружия. Совет агрессивного Северо-Атлантического блока бросил наглый вызов народам, открыто провозгласив, что в подготовляемой им войне он широко применит атомное оружие. В Западной Германии уже везут американские атомные пушки, и американские правители ничуть не скрывают своего намерения вооружить возрожденный ими верхом этим оружием.

В японских семьях еще не успели осушить слезы по своим близким, погибшим в Хирошиме и Нагасаки, еще стоят на больничных койках японские рыбаки, пострадавшие во время прошлогодних испытаний американской водородной бомбы, атомщики строят новые аэродромы для атомной бомбардировочной авиации, наносят удары по японским городам.

Все это внушило тревогу сотням миллионов простых людей во всем мире. Совесть человечества отказывается признать атомную войну «неизбежной», как бы ни пытались доказать это наемные пропагандисты атомного бизнеса.

Люди, где бы они ни жили, каковы бы ни были их профессии, политические взгляды, религиозные верования, полны ненависти к убийцам, потрясающим атомным оружием.

Обуздать атомщиков — значит обуздить смерть!

разрушение, значит отстоять жизнь, созидание. Это понимают сейчас все более широкие круги общественности во всем мире. На страницах зарубежных газет и журналов различных направлений все чаще появляются страстные высказывания простых людей всех стран против атомной войны и против тех, кто ее готовит. Поток писем читателей с требованием запрещения атомного оружия, получаемых редакциями газет всех направлений, столь велик, что даже реакционные газеты вынуждены публиковать хотя бы часть из них.

Сегодня мы помещаем некоторые из писем читателей, напечатанных за последние времена в газетах различных стран, а также письма, полученные в Советском Союзе от японских патриотов, и отклики советских людей на письмо японской учительницы Тидзуко Томидзавы, опубликованное в «Литературной газете» 27 декабря 1954 года.

Все эти письма, которые мы воспроизводим в сокращенном виде, наглядно свидетельствуют о возросшей бдительности людей, об осознании ими всей серьезности угрозы, нависшей над человечеством, и об их твердой решимости воспрепятствовать развязыванию атомной войны.

Можно не сомневаться, что простые и четкие слова Обращения к народам мира, принятого 19 января 1955 года Бюро Всемирного Совета Мира, найдут отклик в сердцах всех честных людей. Десятки и сотни миллионов подписей скрепят это Обращение.

Народы остановят атомных убийц!

Американская игра

Редактору «Нью стейтсмен энднейшн»

Сэр!

Картина, которую нарисовал М. Д. Файф во время дебатов в палате общин по вопросу о противовоздушной обороне, является, как он сам признал, «мрачной», но все же не такой мрачной, какой она представлялась бы, открытым Файфом всю правду.

Кросман* был единственным депутатом, который приподнял краешек той завесы, что скрывала атомная энергия службы мирных целям. Советский Союз первый показал пример, как люди должны использовать могучую силу природы. У нас уже построена первая в мире промышленная электростанция, работающая на атомной энергии, ведутся дальнейшие исследования по мирному использованию силы расщепленного атома.

Мы верим, что народ победит, не допустит атомной бомбы, потому что этого хотят вы, я, мой народ, ваш народ и миллионы людей всего мира. Мы верим, что настанет время, когда ваши воспитанники встретятся с моими воспитанниками, они сядут в прекрасный город, город мира, на поездах, которые будет двигать атом, они пойдут в сады изобилия и будут с благодарностью вспоминать нашу мужественную борьбу за счастье людей, за торжество мира!

С пожеланием успеха в вашей мужественной борьбе за мир.

Ю. К. СОРОКИН, учитель, СССР.

город Але

неоднократно предлагало сократить вооружение и запретить атомную бомбу, чтобы мы с вами могли спокойно делать свое дело — расти новых граждан своей страны для мирного строительства.

Как бы ни пытались вас дезинформировать, знайте, что советские люди — это люди мира, друзья всех тех, кто берется за мир. Мы хотим мира между народами, как он сам признал, «мрачной», какой она представлялась бы, открытым Файфом всю правду.

Кросман* был единственным депутатом, который приподнял краешек той завесы, что скрывала атомная энергия службы мирных целям. Советский Союз первый показал пример, как люди должны использовать могучую силу природы. У нас уже построена первая в мире промышленная электростанция, работающая на атомной энергии, ведутся дальнейшие исследования по мирному использованию силы расщепленного атома.

Мы верим, что народ победит, не допустит атомной бомбы, потому что этого хотят вы, я, мой народ, ваш народ и миллионы людей всего мира. Мы верим, что настанет время, когда ваши воспитанники встретятся с моими воспитанниками, они сядут в прекрасный город, город мира, на поездах, которые будет двигать атом, они пойдут в сады изобилия и будут с благодарностью вспоминать нашу мужественную борьбу за счастье людей, за торжество мира!

С пожеланием успеха в вашей мужественной борьбе за мир.

Ю. К. СОРОКИН, учитель, СССР.

город Але

Долой атомную войну!

Дорогая Тидзуко Томидзава! В «Литературной газете» я прочитал ваше письмо. Вы обращаетесь ко всем людям на земле с призывом поддержать требование японского народа о запрещении атомных и водородных бомб, о запрещении всякого оружия массового уничтожения людей.

Нет слов, требование это очень справедливо! Чувства и симпатии наши, простых советских людей, всегда будут с вами...

Вы, Тидзуко, уже педагог, уже чему-то научились и теперь хотите своим знаниями передать детям, подрастающему поколению.

Я еще только учусь. Я хочу научиться какому-то делу, хочу много знать, много уметь делать, чтобы также трудиться для своего народа.

Нам с вами не нужна война, не нужны нам атомные и другие бомбы.

А. КУДЕНКО, СССР

г. Воронеж

Требование МИЛЛИОНОВ

Каждому человеку ясно, что врачебный принцип: «Профилактика лучше, чем лечение» является в этом случае единственным спасением не только для многих людей, но и для человечества в целом. Для защиты человечества, не только его цивилизации, но и самого биологического существования, должны быть запрещены все виды атомного оружия и все эксперименты с этим оружием!

Фридрих ШОЛЛЬ,
доктор медицины
Австрия (Журнал «Тагебух»)

С того времени, как в 1945 году в городах Нагасаки и Хирошима были сброшены атомные бомбы, прошло девять лет, а раны, полученные людьми, все еще не зажили.

Народ построил в городе Хирошима Башню мира. На ней высечены слова: «Второй раз это не повторится».

Но не так давно при испытаниях американской водородной бомбы пострадало рыболовное судно «Фукуро мару-5». Один из рыбаков — Кубомара умер. Его смерть тяжела, но переживают и члены команды и его родственники, а вместе с ними — весь народ.

Продукты питания оказались отравленными в результате этих испытаний. Японцы спрашивают: почему же мы должны жить в отравленном, радиоактивном мире? Разве нельзя договориться об безоговорочном и полном запрещении производства, испытаний и применения атомной и водородной бомб?..

Хигаси НАГАСАКИ,
ТОКИО, японское общество борьбы
против применения атомной и водородной бомб

◆

Я против западногерманских вооруженных сил. Ведь если атомная бомба взорвётся во Франкфурте, то и Кельн кончит. (Из письма молодого немца в редакцию газеты «Дейче Фольксштартунг», Западная Германия)

◆

Мир потрясен безумными приготовлениями к новой мировой войне. Испытания водородных бомб американскими империалистами показывают нам, женщинам, перед лицом какой громадной опасности мы находимся. Вместе с женщинами всего мира мы требуем запрещения использования атомной энергии для военных целей.

Анна ГАУПТ,
председатель местной группы
демократического женского союза

г. Рорберг, Западная Германия
(Журнал «Фрау фон Хейте»)

ИСТОРИЯ „БОЛЕЗНИ“ НУРИ САИДА

Радиостанции ближневосточных стран передали на днях прискорбную весть: внезапно захворал премьер-министр Ирака Нури Сайд. Однако из Лондона в Багдад не поступают телеграммы с выражением соболезнования. Наоборот, там, по всей видимости, даже довольны этим. Уж не решил ли Джон Буль дать отставку своему старому слуге? 66 лет — почтенный возраст. А тут еще на склоне лет Нури Сайд взялся прислуживать другому господину — дяде Саму. При этом Джону Булю уже не ясно, у кого Сайд на основной работе, а у кого — по совместительству.

Но и в Вашингтоне не отчаяны тем, что Нури Сайд занял. Дяде Саму досконально известны и диагноз и история болезни. Заболевание здесь не обычное, а скорее дипломатическое. История его такова.

Впервые Нури Сайд почувствовал недомогание 13 января, на другой день после опубликования коммюнике о том, что в результате его переговоров с турецким премьер-министром Мендересом Ирак и Турция решили заключить военный союз. Нури Сайд не могли не расстроиться сообщением о том, что в странах арабского Востока это решение вызвало бурю негодования. Они, разумеется, и не думали, что арабы одобрят союз с Советским Союзом. Нури Сайд прикинулся заболевшим и отказался ехать в Каир.

В Вашингтоне сочли, однако, что он быстро выздоравливает, если каирское соглашение будет сорвано. Соответственно был составлен и рецепт.

Нури Сайд, откликнувшись на сообщение о том, что на 22 января в Каире назначено совещание премьер-министров стран — членов Лиги арабских стран для обсуждения вопроса об опасности для этих стран размещения ядерного оружия в Сирии и Иордании, предложил отложить совещание на 25 января, чтобы государство-члены могли обсудить его в Каире.

Нури Сайд, откликнувшись на сообщение о том, что на 22 января в Каире назначено совещание премьер-министров стран — членов Лиги арабских стран для обсуждения вопроса об опасности для этих стран размещения